

К вопросу о заклинаниях и деформации... Скитер все еще ожидало наказание, и он горячо искал способ заставить ее заплатить. Пока что он исключал сильное телесное повреждение, даже если бы оно доставило ему огромное удовольствие, потому что это, предположительно, свалилось бы на Хагрида, а это не входило в его планы.

Ему нужно было что-то тонкое, что-то достойное Слизерина. Кстати, где, черт возьми, была Дафна? Он знал, что отношения с ней невозможны, да и не нужны, ведь им обоим еще три года до того, как они покинут раздутый фанатизм Хогwartса, но он надеялся, что после первого откуса от запретного плода его ждут новые действия.

Его мысли блуждали в самых глубоких, темных и извращенных уголках его сознания, и зимний холод никак не успокаивал жар в его чреслах, когда он представлял себе сексуальный секс с Да...

"Гарри, вот ты где!" - проник в его сознание слишком весёлый голос директора и грубо вырвал его из влажных грёз. К счастью, сегодня на нём была широкая мантия, и его полувозбуждённый член было не так-то просто заметить под ней.

"Директор?" - спросил он и увидел, как почтенный Альбус Дамблдор опустился на грязный камень - в позе, которая была почти такой же ленивой, как и его собственная.

"Несколько дней назад возникло дело чрезвычайной важности, и я хотел бы получить ваше мнение по нему", - ответил он с безмятежной улыбкой на губах, которую, в зависимости от угла зрения, можно было истолковать и как хитрую ухмылку.

"А?" - последовал его необычный и умный ответ, который полностью и окончательно подытожил его чувства по этому якобы очень важному вопросу.

Однако Дамблдора это ничуть не обеспокоило, и он еще больше расплылся в улыбке. "Наш уважаемый зритель, мистер Филч, и несколько студентов всех домов были под впечатлением, что в замке произошло внезапное цунами, затопившее весь третий коридор". Святая мать...! Это было нехорошо.

Гарри изо всех сил старался скрыть свою вину и смотрел на директора с пустым выражением лица, полностью намереваясь солгать во всё. "Им, конечно, сказали, что это был всего лишь прорыв трубопровода - обычный дефект водопровода в Хогwartсе".

"И что из этого следует..." начал Гарри и сам себя прервал. "- А, к черту! Я совершенно не умею врать!" - сказал он, низко опустив голову и слегка подавленный своими несуществующими способностями к тонкому искусству запугивания. Директор поступил в чисто дамблдоровской манере и начал смеяться, а затем обрушил на его голову мудрый совет.

"Признание собственной слабости - это первый шаг на длинном пути к совершенствованию", - ответил он, задорно хихикая, и похлопал Гарри по плечу. "Меня больше интересует причина

прорыва трубопровода".

"Меня разозлила статья Скитерса о Хагриде". Гарри начал дуться.

"И ты облил коридор?" Дамблдор скептически изогнул левую бровь, явно не веря, что это действительно произошло. "Нет, я чуть не спалил свою комнату, и мне пришлось как-то тушить пожар...", - он замялся, несколько смущенный собственными действиями.

"Это был перегруженный Скутум Толус?" Вопрос был скорее утверждением, и Гарри повернул голову к старшему мужчине. "Откуда вы знаете?" - спросил он, медленно, но верно пугаясь всезнающего поведения Дамблдора.

"Это малоизвестный факт, что магическая сила, обычно предназначенная для тонкости этого конкретного щита, превращается в чистую массу, если ее перегрузить", - объяснил он и заглянул в свои глаза. "Я столкнулся с этим редким явлением во время своих странствий по пустыне Кении. Там было поселение маглов, которые знали о магии, но медленно умирали от обезвоживания из-за немилосердной жары". Его взгляд остановился на Гарри, и он слабо улыбнулся.

"Как и вы, я не поверил в силу обычных чар Агументи и переборщил с водным щитом настолько, что едва не уничтожил всю деревню. Тем не менее люди были благодарны..." Несколько минут никто не говорил, и оба погрузились в уютную тишину.

"Профессор, - начал Гарри, прерывая мирную тишину. "Могу я задать вам вопрос?"

"Задавайте, и я постараюсь ответить вам".

Теперь настало время поговорить о вопросе, который мог быстро перевернуть этот приятный момент и превратить его в довольно неприятное воспоминание. "Я уже несколько лет задаюсь вопросом, не хотели ли вы, чтобы я встретился с Волдемортом в конце первого курса?"

Это был сложный вопрос, и на секунду Гарри увидел, как в глазах директора мелькнуло чувство вины. В конце концов тот печально вздохнул и посмотрел на него. "Если ты спрашиваешь меня, должен ли ты пройти испытания и найти философский камень, то твой ответ - да", - поправил он, но быстро поднял руки, чтобы предотвратить любое прерывание.

"Испытания были для тебя наставниками, но я ни в коем случае не ожидал, что ты столкнешься с Волдемортом в этом деле. Даже под конец, когда я сильно подозревал Квиррела, я даже не подумал о том, что Волдеморт может овладеть этим человеком. Боюсь, это было большим упущением с моей стороны".

Гарри некоторое время смотрел на него, прежде чем задать свой следующий вопрос. "Но зачем вообще позволять мне встречаться с Квиррелом? Или с препятствиями?" Дамблдор потер

переносицу и ответил честным, но виноватым голосом: "Простите, пожалуйста, если мои следующие слова покажутся вам ужасно черствыми и холодными, но драгоценный камень не может быть отполирован без трения, как и человек не может расти без испытаний. Я знал, что Волдеморт все еще жив, и одно это дало мне достаточно стимулов, чтобы попытаться подготовить вас с помощью моих подпольных мер".

"Практика, которую я отменил после катастрофы на вашем первом курсе..." Старший мужчина покачал головой.

"А философский камень? Он ведь был настоящим, верно?" спросил Гарри, испытывая внезапную потребность наконец прояснить все, что произошло в тот вечер.

"Не проходит и дня, Гарри, чтобы меня не мучило чувство вины за смерть Николя и его жены. Даже слова Николя на смертном одре смогли лишь немного смягчить это чувство", - сказал он и, прежде чем Гарри успел задать вопрос, продолжил.

"Ибо смерть для рождённых несомненна, а для мёртвых - рождение; поэтому не стоит горевать о неизбежном. Более мудрых слов не произносил ни один человек, но они ранили меня больше, чем я хотел бы признать".

Гарри был удивлён проявленной Дамблдором слабостью, но был тронут тем, что директор достаточно доверял ему, чтобы открыть такую информацию. Снова наступило молчание, которое длилось несколько минут и было нарушено только после того, как пожилой человек вновь обрел свою обычную веселость.

"А теперь, Гарри, я хочу попросить тебя об одолжении. Хагрид уже несколько дней не выходит из своей хижины, и вместе мы сможем убедить его, что солнечный свет гораздо лучше влияет на цвет лица", - сказал он и вскочил на ноги с такой ловкостью, какой Гарри от него не ожидал.

Безропотно следуя за мудрым человеком, Гарри размышлял о только что состоявшемся разговоре. Некоторые моменты было трудно проглотить, особенно испытания, которые раздражали его до крайности, хотя он и понимал, под каким углом работает директор. То, что он так легко играет со своей жизнью, приводило его в ярость, но как бы он ни старался, он не мог злиться на человека, которому пришлось руководить некомпетентным волшебным миром более полувека.

Поступил бы он так же на его месте? Возможно, нет, но однозначного ответа на этот вопрос не было, так как он не был в этом уверен. Они пробирались по засыпанным снегом Помещениям, пока наконец не добрались до хижины Хагрида, и Дамблдор трижды постучал в дверь.

Ответа не последовало, но было слышно, как Клык колотит в толстую дверь из шотландского дуба. "Хагрид!" начал кричать Гарри, чтобы привлечь внимание своего большого друга.

"Если ты не откроешь дверь через пять секунд, я превращусь в прекрасного каменного воина,

чтобы сломать ее!" - продолжал он и начал медленно отсчитывать от пяти. Он был уверен, что воспоминания о первом задании еще свежи в памяти Хагрида.

Когда он досчитал до четырех и дверь открылась, он увидел темные кольца под глазами и бороду, которая была еще более клочковатой, чем обычно. Злость на Скитера вновь вспыхнула в нем, но сейчас это было неважно.

Одним длинным шагом он добрался до крупного мужчины и обхватил его руками, пытаясь обнять своего первого друга изо всех сил. Неудивительно, что из дружелюбных глаз-бусинок потекли слезы, а огромное тело затряслось от рыданий, но Гарри держался, намереваясь показать Хагриду, как сильно он его ценит.

"Ты идиот, если веришь, что такая тупая корова, как Скитер, хоть на миг изменит мое мнение о тебе!" - пробормотал он в большую западню, сшитую из разных шкурок. Директор школы, наблюдавший за всем этим с гордым выражением лица, добавил к этому аргументу свой собственный: "Действительно, Хагрид. Как видите, есть еще как минимум два человека, которые видят в вас того замечательного человека, которым вы являетесь". Хагрид одарил их водянистой улыбкой и пригласил в свою маленькую уютную хижину, в которой Гарри было гораздо комфортнее, чем в большом поместье.

Позже вечером, когда троица уже несколько часов пила чай и рассказывала друг другу забавные истории, Гарри отклонялся и снова оказался в своем отремонтированном убежище, вспоминая удивительные истории, которые были рассказаны. Он ухмыльнулся, вспомнив громкий смех Дамблдора и изумлённое лицо Хагрида после того, как Гарри рассказал директору о Норберте и той ночи, когда они играли в "Контрабанду дракона".

Его размышления прервало гудение, и внезапная улыбка растянулась от одной стороны его лица до другой. Хедвиг вернулась!

"Хедвиг!" взволнованно сказал Гарри и вскочил с кресла, чтобы поприветствовать свою знакомую. "Ты хорошо полетала?" - спросил он и начал гладить ее по перьям, чем вызвал еще большее радостное улюлюканье с ее стороны.

"Смотри, я целый день тренировался только ради тебя!" - объяснил он заинтересованной сове и взмахнул палочкой в воздухе, пока она не указала на простой кусок дерева, лежавший на полу.

"Mutare Ramum Avibus!"

Кусок дерева медленно превратился в насест, который, несмотря на свою простоту, выглядел красивым и хорошо сделанным. Хедвиг совершила короткий победный круг по комнате, пока не приземлилась на свой новый насест и не издала еще одно радостное улюлюканье.